

Прежнее вернулось переосмысленным

Интервью с поэтом и писателем Виктором Афанасьевым

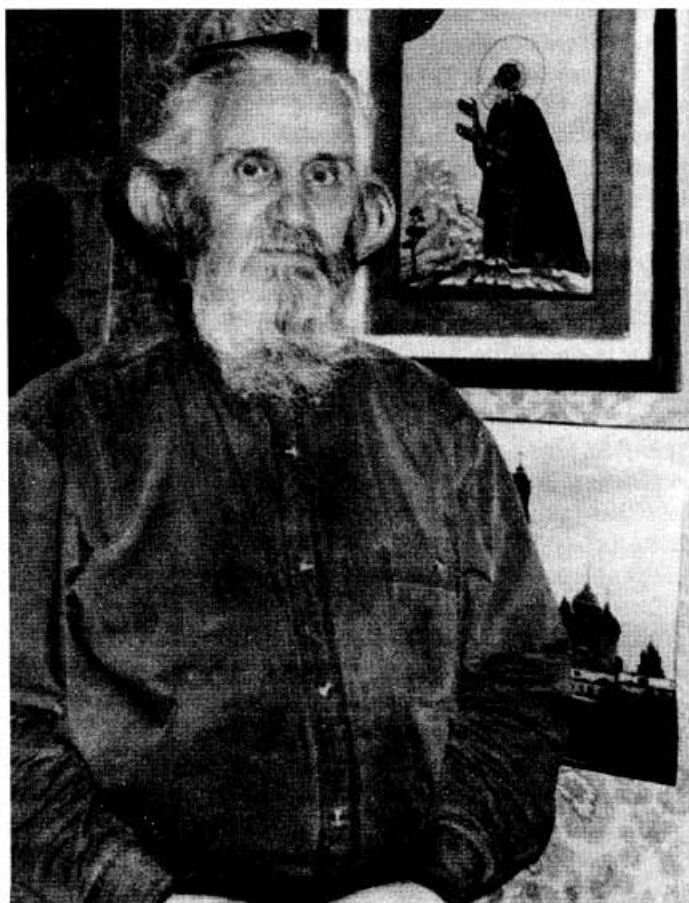
Тем, кто следит за книгами, появившимися с начала 1990-х годов на прилавках православных книжных магазинов, имя Виктора Афанасьева должно быть хорошо известно. Его знают, в первую очередь, как писателя (книги: "Дивный старец" — о преподобном Серафиме Саровском, 1993; "Жизнь святого Антония Великого", 1994; "Житие оптинского старца Варсонофия", 1995), широко известен он как церковный публицист, автор многих статей в "Журнале Московской Патриархии", журналах "Москва", "Литературная учеба" и др., а также как главный редактор издававшегося в 1991-1993 годах журнала "Глаголы жизни".

Сегодня В. Афанасьев предстает перед нами в новом качестве — как поэт. Поэтическая сторона его творчества еще мало известна широкой читательской аудитории, хотя уже вышел в свет первый сборник его стихов "Лествица", на который появились и первые отклики в церковной прессе (М. Дунаев. Православная беседа. 1997. №2). В настоящее время в издательстве "Отчий дом" готовится к выходу в свет еще один, значительно более обширный сборник его стихов под названием "Зреет жатва".

Подобная творческая многогранность, которая сама по себе — явление довольно редкое, неизбежно привлекает внимание читателя, особенно если учесть, что сам поэт определяет свое творчество как служение Богу через дар слова. "Пою Богу моему, дондеже есмь", — вот слова псалмопевца, которые могли бы звучать как доминанта всей жизни и творчества В. Афанасьева.

Несмотря на большую разницу в возрасте между поэтом и большинством наших читателей, его поэзия не оставит равнодушным никого из тех, кому дорога настоящая русская литература. Ведь его стихи несут в себе радость души, увидевшей Бога, встретившейся с Ним. В них нет ни надрыва, ни тягостного уныния, ни безнадежного отчаяния, столь свойственного современному поэтам, хотя покаянный мотив — один из главных у В. Афанасьева.

Чем же его поэзия может быть интересна современной верующей молодежи? В поэзии В. Афанасьева отражается молодость души, обновленной встречей с Богом, духовно ободренной Господом и готовой к духовной борьбе. Это ли не есть то состояние души, о котором пророк Давид говорит: "Обновится яко орля юность моя", и о котором уже и не подозревает наш мир?

Но вдвойне интереснее для нас становятся эти стихи, когда мы увидим, что непосредственность и живость восприятия мира, искупленного и преображенного Спасителем, сочетается у автора с душевной зрелостью и жизненной опытностью, то есть с тем состоянием, когда многое пережито и есть чем поделиться... Но, конечно же, читатель сам оценит предлагаемые его вниманию поэтические строчки.

Нам остается добавить, что подборка стихов, которая следует за интервью, была сделана Виктором Афанасьевым специально для журнала "Встреча" и публикуется впервые.

— Виктор Васильевич, не могли бы Вы кратко рассказать нашему читателю о своем жизненном и творческом пути?

— Мне шестьдесят шестой год. Уже есть основание говорить, что жизнь “прошла”, хотя — как смотреть... В последние шесть-семь лет жизнь моя неизмеримо более наполнена чем-то настоящим, чем целые десятилетия в прошлом. Сколько блужданий и поисков! Сколько ложных тропок... Да и обстоятельства жизни по большей части были весьма суровы. Вообще — сердце сжимается даже не от грусти, а от боли, когда оглянешься назад. Какое было время! И вот я отрок — голодный и раздетый, как и все в нашей семье... Меня одели в ремесленном училище. Учиться толком не пришлось. Мой трудовой стаж начался в 12 лет. Потом армия, работа на Крайнем Севере, в сибирской тайге. Я перепробовал множество профессий. Был и плотником, и кузнецом, и электромонтером, и переплетчиком, и механиком по лифтам. Все эти пути были очень тяжелыми, может быть, и потому, что я несмотря ни на что стремился к другому — именно к литературному творчеству. Стихи я начал писать в раннем детстве. Всегда много читал и уже юношей прекрасно знал не только русскую, но и мировую литературу. Печататься в периодике на периферии и в столице начал с 1949 года. В 1971 году я был принят в Союз Писателей как поэт. Семья наша была нецерковной. Я не был крещен в детстве. Но я всегда был убежден, что есть Бог и есть ответственность человека за свою душу. Вот не понимал только — зачем Церковь. Это вспоминать горько... Читал Толстого, Ренана, Эмерсона, Ганди... Воспитывался “нравственно”. Начал писать биографии поэтов первой половины XIX века — “вокруг Пушкина”: мне очень нравилась эта эпоха. Результатом весьма усидчивого труда в библиотеках и архивах явились мои книги о Жуковском, Козлове, Батюшкове, Языкове, Рылееве, сборник “литературных портретов” менее известных стихотворцев той поры. Выпустил ряд жанровых антологий по тому же времени (“Русская элегия XIX века”, “Стихотворная повесть XIX века” и т.п. — со вступительными статьями и комментариями). В общем много работ разного рода, издания сочинений разных авторов, публикации в периодике и другое, в том числе и богатый фотоальбом по Лермонтову. Последняя работа в этом плане — биография Лермонтова в серии ЖЗЛ издательства “Молодая гвардия” (1991), и после этого в моей литературной работе произошел переворот... Я пришел в Церковь. До этого я не мог и предположить, что Господь так властно меняет сознание и так щедро одаряет — и чем? Тем, без чего вообще нет жизни, нет смысла ее и нет вечного спасения! Жизнь не стала легче. Во многом даже труднее стала. Но явились столь дорогие вещи, без которых уже невозможно

жить. Прежнее сначала совсем ушло, но потом отчасти вернулось — переосмысленным. Книги мои стоят на полке — иной раз откроешь, взглянешь на некоторые страницы — и за голову схватишься... Да, как не хватало вот этого сегодняшнего, хотя и не совсем, может быть, очищенного сознания! Не помню — как, но начал я писать книгу о великом нашем святом — преподобном Серафиме Саровском (“Дивный старец”). Никогда не работал я вот с таким теплым чувством, особенным... Затем явились книги о святых Антонии Великом, оптинском старце Варсонофии, последнем настоятеле Оптиной Пустыни преподобномученике Исаакии Втором... В “Журнале Московской Патриархии” были опубликованы и тот же “Дивный старец”, и “Жизнь святого Антония Великого”, а также история явленной чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери (в двух номерах), очерк о старцах Оптиной Пустыни. Вот такая работа пошла у меня. Стихи же (а ведь я вступил в Союз Писателей именно как поэт) были давно оставлены, я их не писал лет, наверное, двадцать... Никак я не думал, что и это вернется, но также в ином качестве. Осенью 1995 года вдруг (именно так!) написал несколько стихотворений. Я даже смущен был: продолжать ли? И решил испросить благословения у близкого мне духовно оптинского иеромонаха и скитона начальника отца Михаила (Тимофеева). Послал стихи с твердой решимостью в случае неодобрения не писать их более. Но одобрение было получено. В следующем году вышел сборник стихов под названием “Лествица”. Сейчас готовится к печати и другой стихотворный сборник — “Зреет жатва”. А я продолжаю писать... Ну вот и всё, что могу я рассказать о себе.

— Спасибо. Вот, Вы на том переломе, о котором рассказали, начали переосмысливать сделанное ранее, то есть у Вас изменились представления о русской поэзии XIX века того периода, о котором были написаны Ваши книги и которому посвящены были Ваши антологии и многочисленные комментированные издания авторов. Каким же оно стало, это представление?

— Вы знаете, в истории и, в частности, в истории литературы издавна начали вырабатываться некие штампы — в этом была определенная даже преднамеренность... Мне сегодня бывает страшно подумать — сколько, стараясь прорваться к “правде” (какой?), впитал я в свой мозг и в свою душу лжи! Ложь катилась на народ — на читателя — широкой волной. Истоки ее в XVIII веке, когда в России наука и издательское дело находились полностью в руках масонов и всякого рода реформаторов католического, протестантского или деистского толка. Тогдашняя читающая публика — высший слой общества. Ну, это ныне

уже известно достаточно хорошо, в последние годы появилось немало правдивых работ. Этот высший слой как-то сразу и повально стал раболепствовать перед Западом. Какие одежды появились на бывших боярах! Парики, чулки, башмаки... “Французского” или “немецкого” покроя камзолы, кафтаны... И всё в доме — обстановка, посуда, еда, а главное, книги в шкафах — всё западных “просвещенных” авторов, толкующих о Боге на чуждый русскому человеку лад. В помещичьих усадьбах библиотеки были набиты масонскими и протестантскими изданиями на нескольких языках. Новиков и Лопухин, а с ними и директор Московского университета в конце XVIII века Иван Тургенев, и директор Дворянского пансиона при университете А. Прокопович-Антонский, масоны высших степеней, развили бурную издательскую деятельность. Шло наступление на Православие. Под влияние этих масонов попадали талантливые литераторы — Карамзин, Дмитриев, Жуковский... Трудно было некоторым из них выбраться потом из этого болота... Масоны наложили отпечаток на всю культуру начала XIX века, а ведь это было время, когда появились только н а ч а л а нашей классики. Коротко говоря, в моде стало все не русское, а либо “эллинское”, либо “байроническое”, либо... какое угодно. За способность перевоплощения русского поэта в испанца, итальянца или немца хвалили: “Пушкин — Протей!..” “Всемирная отзывчивость...” и тому подобное. Растекаться мыслью по всему миру и по всем векам считалось признаком высокой талантливости. Жуковский в молодости строил грандиозные планы переработки эпоса всех главных народов Европы... Большую дань отдал он “всемирности”, но в тяжелой борьбе сумел преодолеть погибельную напасть, стал православным человеком (как и Пушкин в конце жизни). Много можно говорить обо всем этом... Классическая проза наша вышла на первый план перед церковной, предлагая своих героев для подражания, свои идеалы, кощунственно заслоняя образ Христа... Но об этом уже есть работы М. Дунаева, И. Есаулова, В. Воропаева. Что касается именно православной струи в светской литературе, то она была всегда, начиная с образцов древнерусской литературы, потом Ломоносова, Державина, — есть ее след и у Пушкина, Лермонтова, сильнее — у поэтов близких к славянофильскому направлению русской мысли (Хомяков, Языков). Я начал в журнале “Православная беседа”, кажется, с 1991 года, с первых номеров, именно антологию вот такой православной русской поэзии XIX века (“Приидите, возрадуемся Господеви...”) — именно тогда появились подборки стихов Вяземского, Жуковского, Ивана Козлова. Потом продолжал эту антологию М.М. Дунаев, она не окончена и донныне. Почти у каждого русского поэта есть хоть несколько стихотворений в православном духе. Иные поистине замечательны и по сти-ху, и по своей высокой духовности... Но в творчестве

каждого из этих поэтов они занимают весьма малое место. Это очень печально. Другое дело, что во многих сочинениях если и нет открыто религиозной темы, но “подкладка” там именно православная: вот это чаще и дает право считать нашу классику православной (об этом написана книга И. Есаулова). В общем картина сложная. Поэты русские — за редкими исключениями — были людьми нецерковными, увлеченными абстрактными идеями (вроде борьбы добра и зла в мире). Верными Церкви и Христу и в сознании своем, и в творчестве были Гоголь, Иван Киреевский, К.Р. (Константин Романов, Великий князь). Можно назвать и еще несколько человек, но очень немного (поздний Пушкин, поздний Языков, Хомяков, даже Лермонтов, в последний год читавший “Добротолубие” и делавший выписки из посланий апостола Павла). Хочется еще добром помянуть хотя и не поэтов (о чем у нас речь), но прекрасных духовных писателей того времени, абсолютно замолчанных литературоведением — Андрея Муравьева и Авраамия Норова. Как видите, трудно даже вот так суммарно обрисовать ту литературную эпоху... Вернемся к вопросу о лжи: историки оболгали нас всех наших государей, начиная от первого помазанника Божия Иоанна Васильевича Грозного и кончая Государем мучеником Николаем Александровичем. Неимоверно расхвалены были декабристы за их революционную деятельность, но совсем замолчан важнейший вопрос об их покаянии перед Россией и Церковью: ведь многие из них искренне покаялись (даже Рылеев перед казнью). А ведь среди декабристов было немало стихотворцев. И мы можем найти у них не только бунтарские стихи, но и искренне религиозные (например у В.К. Кюхельбекера). Лгали не только советские ученые — нет! Лгали демократы прошлого века. Лгали такие историки, как Костомаров. Лгали напропалую литературоведы. Лгали преподаватели... Будто сговор был какой. Похоже, что и была такая преднамеренность — христорборчество... Сколько поколений не пришло из-за этого в Церковь! И вот я вообще не зачеркнул бы свои книги о поэтах XIX века, но многие страницы переписал бы. Хотя — дело сделано... А вообще, если честно, мне не хочется возвращаться к этим темам. Как бы то ни было — я их пережил.

— А сегодня? Существует ли у нас духовная — православная — поэзия?

— Да, есть поэты и хорошие... Это покойный поэт А. Солодовников, скончавшийся в 1970-х годах, его стихи изданы недавно. Вот у вас был разговор на страницах “Встречи” с прекрасной поэтессой Ниной Карташовой. Это высокий уровень. Так вообще — многие пишут сейчас на духовные темы, но это поток, в нем мало яркого, запоминающегося... Знаете, вряд ли я отвечу как следует на этот вопрос. Начинаешь думать, искать в памяти... Если есть замечательный поэт со своим голосом, разве будешь “вспоминать” о

нем, ах-де, вот забыл, как его... Но вот и не помню. Простите. Иеромонах Роман? Да, это прекрасный духовный "бард" (как ныне это называют), иные его песни очень умиляют душу, но отдельно от пения мне многие его стихи кажутся незрелыми, непрофессиональными. Это не в укор, он ведь не стихотворец, а инок, он делает очень доброе дело — молодежь принимает его песни хорошо. Добавим, что они хороши для определенного возраста (духовного): перед началом или в самом начале. Надеюсь, что я не сказал здесь ничего неприятного для отца Романа...

— **Свойственно ли поэту в какой-то степени пророческое служение?**

— Да, многих называли "пророками", но: светские люди светских людей. К Пушкину применяли это слово... Однако это вещь невозможная. Поэт — пророк? Ну что ж: преподобный Ефрем Сирийский — он переводится-то у нас прозой, но он всегда стихотворец и пророк! Его сочинения у нас недавно переизданы. Вот и проза, а какая бездна высочайшей духовной поэзии! Да что же, ведь и псалмы святого Царя Давида — пророческая поэзия, тут не надо ничего объяснять. Он величайший поэт всех времен и народов. В его "стихах" такая глубина, такая красота, что ее не исчерпаешь, сколько не читай (хотя и это переведено прозой, но какой! Это гениальный перевод: недаром так хорошо поются в церкви псалмы...) Гимны Симеона Нового Богослова... У Церкви огромное поэтическое богатство: песнопения Иоанна Дамаскина, Романа Сладкопевца и множества других святых авторов... Ну вот это — пророки. В миру, в свете — вряд ли возможно подняться на такую высоту духовного творчества... Ведь без духовного делания ничего этого не сотворится. И какого делания... Нет-нет, — не надо так ставить вопрос. Мирская гордыня может заблудиться и сказать невесть что о каком-нибудь пусть и хорошем, но младенствующем духовно поэте. Нет пророков среди поэтов XIX века. Нет и ныне.

— **А что Вас подвигает на поэтическое творчество духовного характера? Зачем оно вам?**

— Спасибо за вопрос! Только очень прошу верить мне, я скажу правду. Сначала о второй части вопроса. Раньше (конец 1960-х — начало 1970-х годов) я писал стихи и издавал сборники для читателя и думал, что пишу хорошо, а значит стану известным. Тут была изрядная доля честолюбия. Я знал об этом, но не считал это плохим, так как, читая многое, я читал и Адама Смита (который упомянут в "Евгении Онегине" А.С. Пушкина): он, трактуя об основах капиталистической экономики, очень вдохновенно и ярко высказывался о "прекрасном" и мощном двигателе в душе человеке — честолюбию. Оно, мол, горы своротит и сделает мир прекрасным... Я ловил похвалы... Меня хвалили маститые (в то время) поэты. Я считался учеником Павла Антокольского... Кроме того, я

самоучкой изучил французский язык и переводил таких поэтов, как Бодлер и Малларме. Это кошмар — по сегодняшнему моему разумению... А сейчас я пишу для себя. Даже не для того, чтобы перечитывать, как бы вдумываясь в собственный опыт. Нет. Вот есть состояние души — оно и запечатлелось. Но не разом и не без помарок (как, например, пишет, по ее словам, Нина Карташова), а чаще всего перемарывая много-много раз и слова, и строки... Иногда на одну строку уйдет едва ли не целый день. Изредка и сразу напишется... Неудобно вот так публично говорить об этом, но стихи у меня — часть моей работы над своей душой... Ну и в какой-то степени — "рукоделие". Всякий писатель, поэт — графоман! И я люблю бумагу, люблю вообще писать, и долго без этого занятия не могу! Я, кажется, отвечая на вторую часть вопроса, ответил и на первую...

— **В самом деле... Недаром и название Вашего сборника стихов: "Лествица"... Это духовная работа мысли, души... Не столько литературное творчество, сколько духовное делание мирянина... Что же, всякий православный человек употребляет все доступные ему благие способы для того, чтобы отрешиться от "ветхого" человека. А всё же, что такое духовная поэзия?**

— А она вот то самое и есть, о чем вы только что упомянули. Именно духовное делание, боюсь, не слишком ли высоко скажу, но это — род богомыслия... Я еще вот как подумал и с такой мыслью послал в Оптину стихи: если сможет монах читать, увидит в этом что-нибудь кому-то полезное, то значит они "духовные".

— **Скажите, насколько близки друг другу, по Вашему мнению, понятия патриотизма и православной духовности?**

— Когда в патриотизм вмешивается откровенная политика, страсть борьбы (до ненависти) — тогда о духовности не может быть и речи. А этого-то как раз очень много. Пусть тогда в стихах будет звучать и имя Самого Бога — все равно Его там не будет... Другое дело — чувство Родины, слитое с любовью к родной природе, созданию Божьему, к той земле, где мы родились и в которую ляжем... К видимому образу духовности — к православным церквям и монастырям, которые так родственно слиты с нашей, как говорят, неяркой, но, по-моему, необыкновенно прекрасной природой. Она открыта лишь духовному русскому взору, как одна из книг Господних. В этой связи вспоминаю архимандрита Антония (Медведева, 1792–1877), наместника Троице-Сергиевой Лавры, духовника святителя Филарета. Он долгие годы нес очень хлопотное служение. Но с каким трепетным вниманием относился он к природе! В его письмах везде сквозит она. Он в пчелках и бабочках, распе-

тах и закатах, березках, в ночном небе или первом снеге — везде видит Божью красоту и Божье поучение. “Человек есть малый мир, — писал он. — В нем тоже совершается нравственно и духовно то, что совершается в мире, видимом материально. В нем есть своя весна, свои цветы, свое лето, жары, свои осень и зима... В видимом мире отраду и обновление дает солнце, а в малом мире, человеке, — Бог! Бог есть солнышко нашей души”. Мне русская наша природа дает в таком вот именно духовном отношении очень много. Всеми силами души люблю ее. Как Божью, прекраснейшую в мире... Ее портят. Но портят и человека... Она была повреждена грехопадением человека и ныне страдает вместе с ним... То, что мы видим, — это остатки рая сладости, о чем говорил нередко своим ученикам преподобный Варсонофий, старец Оптинский. Не решаюсь цитировать себя, но все же:

От стужи зимой обмирая
И Богу молясь в полусне,
Мечтают деревья о рае,
О вечно цветущей весне, —
Там некогда жили растенья
Под небом всегда голубым
До нашего грехопаденья,
Ударившего и по ним.

Еще могут быть очень близки понятия духовности и патриотизма в стихах на исторические темы. История Святой Руси дает много такого материала — был бы соответствующий дар у поэта... У меня мало таких стихов, но есть — о начале Троице-Сергиевой Лавры (стихотворение), о преподобном Сергии, вернее, о его отрочестве (поэма), о Куликовской битве, точнее — об иноке Пересвете (поэма). Но это для меня менее свойственно, как я чувствую. Мне все-таки ближе все то, о чем я говорил выше.

— Мне известно, что в последнее время Вы начали писать стихи для детей. Не есть ли это нечто упрощенное, как бы сниженное?

— Да, я теперь и для детей пишу, а точнее, для отроков именно в возрасте 7–14 лет. Но какие это в моем представлении дети? Это благочестивые, любящие Церковь отроки и отроковицы. Их много! Это та драгоценная поросль, которой надо помогать всеми мерами. Это наше православное грядущее! Не дай Бог, кто из них, повзрослев, отойдет от идеалов своего детства, да, может быть, и далеко отойдет!.. Исполнится юноше 16–17 лет, там друзья, соблазны, всякие совратители... Больно думать об этом. А у этих-то детей почти нет равного их возрасту духовного чтения. Кое-что начало появляться: детские православные журналы “Пчелка”, “Купель”, “Зорька”, есть и книги, особенно переиздания старых. Я и сам лелею мечту о детском журнале и считаю крайне важным делом — послужить право-

славным отрокам. Ничего “сниженного” им давать я не собираюсь. Этого нельзя делать. Всерьез, но — доступно!

— Как я понял и в чем уверен, Вы много на своем веку перечитали. Сейчас у Вас кардинальная смена чтения... Что Вы могли бы порекомендовать нашим студентам для прочтения с высоты вашего читательского и писательского опыта?

— Да, смена решительная... За несколько лет мои книжные шкафы и полки обновились, пожалуй, почти на все сто процентов: то есть вместо множества, великого множества всяких книг появились книги духовные: творения святых отцов, жития святых, книги по истории Церкви, монастырей, по русской истории и так далее. Это происходило исподволь, постепенно... Я и сам не заметил, как исчезло почти всё старое. Остались некоторые поэты. Вот я думаю о своем прошлом: почему это мне в руки ничего из этого не попало тогда? В самом деле. И теперь дорожу “новыми” своими книгами, приумножаю при случае — и сколько нужнейшего... Вот она, настоящая-то литература! А не та, гордая и напористая, которая рвалась наверх, на свет и морочила нас...

Что прочесть? Можно назвать многое, но все же не буду делать рекомендательного списка, а назову одного автора — это преподобный Ефрем Сирийский, творения которого переизданы в восьми томах в 1993–1995 годах (издательство “Отчий Дом”). И еще “Псалтирь, или Богомысленные размышления, извлеченные из творений святого отца нашего Ефрема Сириянина и расположенные по порядку псалмов Давидовых” (переиздано в 1992 году) — это составлено святителем Феофаном Затворником. Вот это поистине чтение на каждый день, чтение духовно усладительное, а часто и поражающее неожиданными совпадениями с состоянием души читателя... “Псалтирь” преподобного Ефрема — высочайшая духовная поэзия, ее можно читать молитвенно. Недаром творения преподобного в древности нередко читались в храмах.

— Что бы Вы хотели сказать в заключение?

— Благодарю за вопросы, за доброе внимание. Вы очень счастливые люди: вам открыта такая возможность служения Православной Церкви, вы живете в святом доме Преподобного Сергия, пьете из святого духовного родника... Помогите вам Господь во всем добром!

С В.А. Афанасьевым беседовал
Дмитрий Моисеев, 1 курс МДА